

К 400-летию Тары

1. МОГЛО БЫТЬ ИНАЧЕ?

Города, как и люди — одним достается судьба удачливая, другим не очень. Повезло же, например, Омску или значительно более молодому Новосибирску — они оказались на великой железнодорожной магистрали. А ведь вполне логично было бы предположить, что железная дорога от Екатеринбургa пролегла бы на Тобольск и далее на Томск... При этом традиционный торговый интерес все равно проторил бы путь к южным пределам, и думаю, что он не миновал бы Тары. Тогда бы ей досталась совсем иная роль в историко-географическом спектре, в котором, увы, так много заурядных импровизаций.

Мне часто приходит мысль, что в некоей иной роли Тара гораздо раньше разведала бы недра в своих окрестностях, с большей пользой для себя распорядилась бы лесными ресурсами. А уж людскими и подавно.

Однако всякому выходцу из Тары, наверное, не часто думается о несвершившемся. Ведь попадая в милый сердцу родительский дом, мы не возгораемся желанием видеть на его месте дворцы. В иных городах испокон века асфальтовые мостовые, немало их и в теперешней Таре, но людям моего возраста дорога память о досчатых тротуарах, по которым мы бегали в детстве. Даже в гуле любимых столиц я различил бы звук парового гудка, некогда раздававшийся по утрам на Ярковой мельнице.

Кому-то, может, памятливы коровьи стада, встречаемые разновозрастным людом у Екатеринбургского моста. Или ожидания первого парохода, который каждую весну приходил вслед за последними льдинами на Иртыше и привозил на целых пять месяцев какую-то новую жизнь.

До сих пор помню названия тех пароходов: «Москва», «Ленинград», «Жорес», «Менделеев», «Урал». Другого пути, кроме Иртыша, тогда мало кто признавал, да его просто не было, и пароходы для многих тарчан оказались мостиком в новую жизнь. Когда-то и я ушел в Омск поступать в институт. Билет в общем, четвертом классе, стоил гроши, и трое с лишним

суток предстояло греться на железном полу, под которым, источая тепло, неустанно ворочалась загадочная паровая машина.

2. ВОСПОМИНАНИЯ
ОБ ОРКЕСТРЕ.

В один из своих «книжных» очерков я вставил такой эпизод. Будучи корреспондентом районной газеты, я провожаю до попутной машины девушку-колхозницу, приезжавшую в редакцию с жалобой на своего председателя. Времени вечернее, в городском саду раздувают трубы оркестранты. Далее всего несколько строк о ду-

меня вкусить сполна той боли, которую я заслужил своими бесхитростными действиями в пору своего даже еще не женатого возраста. Раскажу об этом несколькими строками ниже, а сейчас о том, с чем я вернулся к гробу матери.

Короче, оркестра я не нашел. В Доме культуры встретил бывшего нашего школьного баяниста Володю Ольшанского. Узнал, что он руководит оркестром народных инструментов и что оркестр этот весьма знаменит, во что я с огромной радостью

уговорил меня на лето пойти к нему мотористом на кинопередвижку. Так я приблизился к сфере культуры, хотя это еще мало что значило. Мне еще предстояло стать помощником киномеханика в городском кинотеатре «Октябрь», а затем, после окончания школы, — корреспондентом районной газеты «Ленинский путь», то есть набрать определенный «вес», с которым в той сфере могли бы считаться. Пишу заметки, статьи и даже фельетоны, участвую в художественной самодеятельности, читаю со сцены районного

сфере культуры, но и, как говорится, человеком влиятельным.

Когда нескольким подобным деятелям пришла в голову мысль радиофицировать танцплощадку в городском саду, то именно меня застрельщики откомандировали к тогдашней заведующей районным отделом культуры Ольге Александровне Родионовой. И по технической части именно с моей стороны нашлись надежный помощник — старший киномеханик кинотеатра Павел Петрович Петренко. Он дал нам ки-

нотеатровский проигрыва-

Публикой новшество было встречено с восторгом. Даже оркестранты как-будто не увидели в нем никакого подвоха под свои незыблемые устои. Собственно, никакой каверзы против оркестра не затевалось. Все пойдёт своим чередом. И в конце концов придет к тому, что кому-то покажется, что оркестр и вовсе не нужен. Это рано или поздно почувствуют оркестранты и начнут, что называется, расходиться по домам. Легко тиражируемое искусство радио заполнит площадки и залы. Великий и гордый оркестр уйдет в воспоминания, как уйдет и городской сад. Уйдет и молодость, а когда-то и вся жизнь того поколения, которое знало и любило тарские танцевальные вечера с оркестром.

3. ПЛОЩАДЬ МАРКСА. 5 В последнее время часто думаю о том, как смело, как безоглядно мы, дети эпохи строительства коммунизма, окунались в жизнь, оставляя не только домашний очаг, но и родные, фамильные профессии, или в широком смысле — то, что в анкетах называется социальным происхождением. Дети пахарей, сапожников поступали учиться на юристов, журналистов, врачей...

В пример оставляю своего школьного друга Лёню Ситко. Из простой многодетной тарской семьи, он поехал в 55-м поступать в машиностроительный институт, недобрав сколько-то баллов, а на следующий год держал экзамены в медицинский. Теперь — хирург, профессор, заведующий кафедрой при одной из омских клиник. И основатель династии врачей — уже две дочери следуют по его стопам.

Думаю, что у новых поколений не будет столько смелости и желания кидаться в свободное плавание. Дети банкиров будут банкирами, торговцев — торговцами, крестьян — крестьянами.

Заметки по памяти

ховом оркестре...

Держу пари, если бы когда-нибудь снова раздался эти звуки, у многих бы тарчан с души слетела усталость от работы и жизни. К этим звукам прислушались бы сотни и тысячи моих земляков. И многих память привела бы на улицу Свердлова, где в дрожащем свете на танцплощадке кружились пары. Нет, мы тогда так остро не ощущали, что это было за чудо — духовой оркестр!

Дюжина разновозрастных — затрудняюсь подобрать слово — то ли парней, то ли молодых усаживалась в досчатой раковине. Невест по какому сигналу они взлезали на плечи своих блестящих трубы. И какие лились вальсы! «Осенний сон», «На сопках Манчжурии», «Дунайские волны», «Березка»... Кажется, этому уже не повториться.

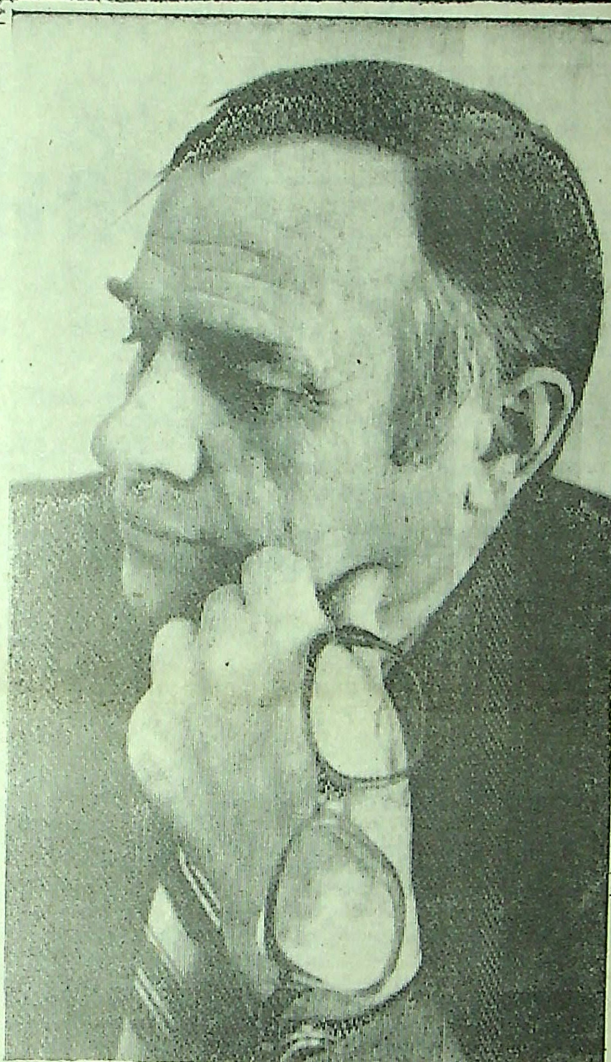
А может я ошибаюсь? Нет того сада, но оркестр жив? Хорошо, если бы это было так. Только поверить в это мешает один эпизод, по времени оказавшийся ровно посередине между теми вальсами и сегодняшним днем. В семьдесят пятом умерла моя мама. Хоронить ее в Тару я приехал уже издалека. Здесьние члены семьи поручили мне организовать музыку, хотя мама при жизни просила не делать этого. Но нами управляла тупая сила обычая. И именно она, эта сила, послала

поверил, ибо со школьных лет знал Володю как прекрасного музыканта. Но мне в данный момент требовалось не это.

Почесав затылок, Володя посоветовал к названному часу прислать к Дому культуры машину и на всякий случай самому сходиться по нескольким адресам. Наказ я выполнил, и назавтра машина привезла четырех совсем ветхих музыкантов, тоже разных по возрасту, но хорошо подравнявшихся в силу известного приращения, о котором распространяться не буду. Трубы их не блестящие и марш Шопена был излишне плаксив и извилист. Но все-таки он был — спасибо за это.

С тех пор минула еще четверть века. Какая никакая музыка, наверное уж проводила на погост и тех музыкантов. Прекрасное прошлое теперь возрождается редко и с трудом. Вот и не верю, вот и сомневаюсь в том, что оркестр возродится. Хорошо бы тут ошибиться!

Так за что же я был наказан в тот злосчастный день семьдесят пятого? Так уж получилось, что я, страстный любитель духовой музыки, сам не подозревая о последствиях, когда-то нанес удар по этому достоинству тарской культуры — по духовому оркестру. Дело было так. Я окончил девятый класс, и мой каргачинский земляк, работавший киномехаником,

Домы культуры свои стили и два динамика. То есть становлюсь не просто своим человеком в танцевальных вечерах, когда

(Продолжение следует.)

(Окончание. Нач. в № 80).

Может, это и к лучшему. Ведь мы, будучи в своих семьях первопроходцами, интеллигентами в первом поколении, с невероятным трудом преодолевали и преодолеваем Кондовую крепь родовых корней. Хорошо, кому судьба подарила встречу с благосклонными наставниками, которые могли и желали направлять нас на путь истинный.

Мой друг, Леня Ситко, часто вспоминает покойного профессора Николая Ивановича Еремеева — своего учителя, которому он ассистировал при сложнейших операциях, еще будучи студентом. Ну, а я, крестьянский сын, ставший журналистом, всегда буду помнить, что мой профессиональный фундамент складывался и твердел в семье газетчиков из «Ленинского пути».

Неудивительно, что после того, как проработав в центральной прессе полтора десятка лет, районка кажется маленькой газетой. Но вот что хочу сказать. Я не раз встречал — а прошел я за тридцать с лишним лет все редакционные должности, от литраба до главного редактора — самых талантливых журналистов, которые «скисали», столкнувшись с заданием, на которое отпущена одна ночь. И всегда объяснял эту слабость отсутствием выучки районщика. В наше, например, время закалка давалась так: день на полутках или пешком мотаешься по району, а утром готовый материал засыпается в набор.

Говорю не без гордости: за всю журналистскую практику не сорвал ни одного редакционного задания, будь то репортаж с праздника оленеводов Ямала или отчет с заседания в Кремле. Это самая «Ленинская школа».

Была школа, и был учитель. Совсем мальчишкой я оказался рядом с Дмитрием Беляевым, Яковом Горчаковым, Сергеем Старыгиным. У нас было настоящее творческое соревнование с Леной Чашечни-

ковым. Володей Коршуновым. Мы торопливо набивали руку на всех жанрах. Мне жгуче хотелось так же, как это умел Беляев, на одном дыхании начать и кончить статью на две колонки сверху до низу. Дмитрий Денисович, будучи заместителем редактора, сидел в отделе, самом дальнем кабинете. Поставив под статью, он буквально пролетал над нашими склоненными головами, шурша листами и отпуская остроты, в которых ему не было рав-

ных. Печатались его великолепные фельетоны, стихи. К тому же он был ведущим передач местного радио. Перед каждой очередной статьей в газете появлялась заметка, что обсуждаются стихи Владимира Коршунова или Валентина Губина, или рассказы Александра Герзона. Помню, как в одном из приглашений появилось имя Леонида Чашечникова. Собирались обсуждать не что-нибудь, а сразу поэму «Александр Сибиряк». В ней Саша рифмовался с «дымкой пропахшей ка-

тою». Забегая вперед, скажу, что класс одержал победу, хотя мне, скажу откровенно, от этого было не легче.

Так вот, в самый разгар обсуждения ситуации я увидел идущего в наш сторону Якова Степановича. До этого я побывал только на одной «среде» в редакции. Люди с творческими наклонностями все в той или иной степени тщеславны. Не был исключением и я. В ту минуту для меня перестали существовать и мои классные друзья, и наша проб-

стоятельство, что впоследствии окончу сельско-хозяйственный институт.

Вообще жизнь так разведет всех нас, бывших тарских литераторов, что большинство из нас станут крепкими журналистами. Один Леня Чашечников взойдет на блистательный олимп, напишет десяток поэтических сборников, составит заметным московским поэтом, и однажды громче всех нас прокричит в микрофон на столичной площади:

Идет распродажа, идет распродажа,

М. Сильванович

Заметки по памяти

ных во всей редакции.

Беляев мог, не прерывая строки, сместить пол-редакции, поскольку его густой бас свободно просачивался аж через две двери в смежные комнаты. Он был душой коллектива, при нем легко можно было забыть о разнице в возрасте и в мастерстве: Я был сражен, когда после длительного времени совместной работы узнал, что он пришел с войны с пятью орденами. Мы уже далеко друг от друга, но я не представляю Тары без Денисыча.

Вообще в «Ленинский путь» я пришел через стихотворство. Первое стихотворение написал в шестом классе. Я тогда считал, что обязательно надо написать о Сталине, иначе о тебе как о литераторе никто никогда не узнает. Написал и... был упомянут в обзоре, помещенном за подписью Якова Горчакова. Потом была длительная пауза в поэтических упражнениях. Второе стихотворение я послал в редакцию уже в 10-м классе. И был письменно приглашен на ближайшую литературную среду.

Вел среды Яков Горчаков — в моем понимании личность знаменитая. Почти в каждом номере тогда

шей», но в целом все окзалось на уровне.

В середине пятидесятых в Таре была своя литературная элита. Лидировал, конечно, Горчаков. Был такой случай. Я шел из школы и напротив почты остановился с друзьями — обсуждали «ЧП», случившееся на уроке черчения. «Кто-то» запустил бумажного голубя и он спланировал прямо на голову преподавателя, Валентина Акимовича. Урок был сорван, и назавтра наш класс должен был предстать перед завучем, Петром Николаевичем Муромцевым. Нас предупредили, что достаточно Петру Николаевичу посмотреть нам в глаза, как он непременно узнает виновника. Весь класс уже знал, что «голубя» запустил я и я же для себя принял твердое решение повиниться перед учителем. Но сработала какая-то глупая солидарность, и класс начал угорваривать меня, не отдавая, а мужественно выдерживать единоборство с новоявленным психологом и тем самым низвергнуть его. До сих пор не понимаю, зачем это было нужно — ведь Петра Николаевича Муромцева школа любила. Просто все были охвачены стадным азар-

том. Я весь сжался, наблюдая за приближением моего кумира. И, о чудо! — Горчаков со мной поздоровался, даже хлопнул по плечу.

Мне хотелось, чтобы все спросили: кто это? Но это сделала только Соня Алеева. Я ответил, чтобы слышали все. Мои одноклассники замолчали, провожая взглядами уходящую знаменитость. А я гордился случившимся, и мне теперь уже прочно расхотелось сдаваться Петру Николаевичу.

Фамилию свою печатно в «Ленинском пути» я увидел не под стихами, а под заметкой о сельском клубе. И, пожалуй, не стихи тому виной, что однажды предложили работать в редакции. Когда я об этом сказал дома, отец отреагировал ироничным вопросом:

— Это что ж, сплетни будешь собирать?

Вряд ли и сам я в тот момент предполагал, что эта работа станет моей профессией, что по ее крутой лесенке мне придется подняться до одной из самых крупных центральных газет. Но с первого крещения и по сей день моей любимой темой останется аграрная публицистика. Этому выбору будет способствовать и то

Идет распродажа великой страны!

Нам с Леонидом на долгие годы досталось забавное соперничество. Я написал стихи, ставшие песней «Омские улицы», а он — автор стихов к песне «Омские вечера». Пусть кому-то не покажется нескромным, но моя песня (автор музыки Вячеслав Косач) и сегодня чаще звучит в концертах по заявкам. Зато музыкальной строкой из «Омских вечеров» (музыка Бориса Яркова) каждое утро открывает свои передачи омское радио.

Так вот, сегодня даже хорошо знакомые наши начинают путать, где чья песня. Более того, помню, Борис Андреевич Яров, светлая ему память, как-то сказал на нашей совместной творческой встрече при полном зале, что в «омских улицах» четыре начальных такта — из его песни. Мне стало обидно за Славу Косача (увы, тоже уж теперь нет в живых) и я спросил Яркова:

— В каком году, Борис Андреевич, вы написали «Омские вечера»?

Он, не моргнув глазом, ответил, и мне пришлось засвидетельствовать, что наша со Славой песня зазвучала в 59-м, то есть на несколько лет раньше.